

Ф. З. КАНУНОВА, О. Б. КАФАНОВА

**КАРАМЗИН И ЖУКОВСКИЙ
(ВОСПРИЯТИЕ «СОЗЕРЦАНИЯ ПРИРОДЫ»
Ш. БОННЕ)**

Близость философских воззрений Карамзина и Жуковского, решение ими важнейших гносеологических и онтологических проблем в значительной мере проясняется в результате анализа их отношения к Ш. Бонне (карамзинский перевод «Созерцания природы» и обширные пометы Жуковского в этом сочинении Бонне).

Переводы Н. М. Карамзина из книги «Созерцание природы» («Contemplation de la nature», 1764) Ш. Бонне относятся к его ранним трудам, опубликованным в журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» в 1789 г. (части XVIII и XIX).

Теория известного швейцарского естествоиспытателя и философа XVIII в. едва ли соответствовала интересам аудитории детского журнала. Обращение к ней отражало, скорее, этап мировоззренческого развития переводчика.

Перевод не был снабжен предисловием или какими-нибудь комментариями Карамзина. Можно предположить, что поначалу он намеревался точно следовать тексту оригинала, о чем свидетельствует оформление первого фрагмента в ч. XVIII журнала. В нем полно, без изъятий была воспроизведена первая часть книги «О Боге и вселенной вообще» («De dieu et de l'univers en général») с соблюдением нумерации и названий всех семи входящих в нее глав (Введение. — Гл. I. Первая причина. — Гл. II. Творение. — Гл. III. Единство и доброта вселенной в ее главных частях. — Гл. IV. Рассмотрение вселенной. — Гл. V. Множество миров. — Гл. VI. Всеобщее разделение существ. — Гл. VII. Всеобщая связь или гармония вселенной).¹

¹ Статьи из *Contemplation de la nature*, Боннетова сочинения // *Детское чтение*

Второй фрагмент, помещенный в ч. XIX «Детского чтения», явно обнаруживает уже личные пристрастия Карамзина. Он целиком выпустил вторую, третью и шестую части книги — «Об относительном совершенстве земных существ» («De la perfection relative des êtres terrestres», 13 глав), «Общее рассмотрение постепенной прогрессии существ» («Vue générale de la progression graduelle des êtres», 30 глав) «О растительной экономике» («De l'économie végétale», 10 глав). Четвертая часть — «Продолжение постепенной прогрессии существ» («Suite de la progression graduelle des êtres») — и пятая — «О различных соотношениях земных существ» («De divers rapports des êtres terrestres») — были переведены выборочно. Из тринадцати глав четвертой части Карамзин оставил пять: «Человек, рассматриваемый как существо телесное. — Человек, одаренный разумом, упражняющийся в науках и искусствах. — Человек в общежитии. — Человек в общении с Богом через религию. — Постепенности человечества». А из семнадцати глав пятой части он сохранил только девять: «Предварительное рассуждение. — Соединение душ с телами организованными. — Представления и ощущения. — Страсти. — Темперамент. — Память и воображение. — Сновидение. — Рассуждение. — Зрение.» При чем Карамзин, надо полагать, намеренно отказался от нумерации глав, чтобы избирательный характер переводимого не был столь очевидным.

Из «Писем русского путешественника» известно, что начинающий писатель намеревался позже перевести сочинение Бонне полностью и при личной встрече с ним в Швейцарии в декабре 1789 г. просил разрешения автора на это.² Ясно также, что при этом он утаил факт уже осуществленного выборочного перевода. Свой план впоследствии Карамзин так и не осуществил. Можно допустить, что в 1789 г. он отобрал все заинтересовавшие в его концепции Бонне проблемы, так что больше не возвращался к исчерпанному предмету. Поскольку никаких отступлений от оригинала в карамзинском переводе обнаружить не удалось, именно анализ принципов отбора позволяет выявить, что в «Созерцании природы» оказалось наиболее существенным для будущего писателя и историка.

Главная мысль Бонне, изложенная в его книге, состояла в интерпретации «лестницы существ». Между самыми простейшими и совершеннейшими проявлениями природы существуют, с его точки зрения, переходы — так, что все тела составляют всеобщую непре-

---

для сердца и разума. 1789. Ч. 18. С. 3—53. Ниже ссылки на сочинение даются в тексте с указанием части римской цифрой и страницы — арабской.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 168. Ниже ссылки даются в тексте с указанием страницы.

рывную цепь. Основание лестницы образуют неделимые — монады, а ее вершину венчает высшее совершенство — Бог. Вся органическая и неорганическая природа представляет собой единую нить без скачков и перерывов. Всеобщее единство и согласованность в природе обеспечивается гармонией, предустановленной первопричиной. Как и Лейбницу, Бонне видел в «лестнице существ» последовательный ряд независимых, неизменных, созданных творцом форм, лишь примыкающих друг к другу, но не связанных единством происхождения.³ Эта преформистская концепция постоянства видов соответствовала метафизической картине мира. Но одновременно были в идеях швейцарского философа зачатки представлений об изменчивости живой природы.

В переводе Карамзина изъятия из теории Бонне оказались столь значительными, что, с известной долей условности, можно говорить об изложении новой концепции.

Тщательно воспроизводя содержание первой части книги — зашиту идеи Лейбница о теодицее, Карамзин затронул основной вопрос философии. Вселенная изображалась Бонне как результат действия «первопричины»,⁴ имеющей идеальное, божественное происхождение. Вопреки утверждениям материалистов, цюрихский философ настаивал на мысли о конечности всего сущего, единстве, доброте, целесообразности и взаимосвязанности всех частей «творения».

Карамзин не допустил ни малейшего отступления от оригинала, излагая близкую ему самому идеалистическую концепцию просвети-

---

³ История биологии: С древнейших времен до начала XX века. М., 1972. С. 111, 120, 107.

⁴ Карамзин настаивал на термине «причина», о чем свидетельствует его единственное примечание в тексте перевода. Первую фразу: «*Je m'élève à la raison éternelle*» он перевел: «Возношуся к Вечной Причине», пояснив, что «*„raison éternelle“* на языке Боннетовом не значит *вечный разум*, как то перевел немецкий переводчик, г. профессор Тициус. В конце первой главы говорит Боннет *il est hors de l'Univers une Raison éternelle de son existence*. Здесь Raison не может значить разум, а великий философ не употребляет одного слова в столь разных значениях» (XVIII, 3). О своей полемике с ученым-переводчиком И. Д. Тициусом, а также о недовольстве автора немецким переводом «Созерцания» Карамзин поведал в «Письмах русского путешественника». «Боннет хвалит один Спаланцаниев перевод, а немецким переводчиком, профессором Тициусом, весьма недоволен потому, что сей ученый Германец думал поправлять его, и собственные свои мнения сообщал за мнения Сочинителей», — замечал он, приводя как пример грубой ошибки выше процитированную фразу (169). В действительности «*raison*» имеет двойное значение: «разум» и «причина». Но подобная скрупулезность в деталях только подчеркивает значимость факта отбора. В более позднем переводе Виноградова слово «*raison*» неудачно передано как «вина»: «Возношуся к вечной вине» // Созерцание природы, соч. г. Боннета. Смоленск, 1804. С. 1.

тельского оптимизма: «Итак, мир имеет все совершенство, какое только мог он получить от Причины, в которой одно из первых свойств есть Премудрость. Итак, нет совершенного зла во Вселенной, ибо она не заключает в себе ничего такого, что бы не могло быть действием или причиною какого ни есть добра, которое бы не существовало без того, что мы злом называем. Если бы все было одно от другого отделено, не было бы гармонии» (XVIII, 7).

Карамзин, как и Жуковский, безусловно разделял идеалистическое решение общих вопросов происхождения мира и человека. Но для выяснения его мировоззренческой позиции оказывается существенным не только то, что он включил в перевод, но и то, что он не включил.

Изложив теорию предустановленной гармонии, Бонне перешел в последующих частях к ее подтверждению своими естественнонаучными и теологическими исследованиями. С его точки зрения, такие явления, как полипы, дождевые черви, летающие рыбы, развитие бабочки из гусеницы и эмбриональное развитие живых существ, подтверждают, что всякая жизнь от Бога предназначена к будущему усовершенствованию и счастью. Вот сам этот ход доказательств воспроизведен в русском переводе в достаточной мере фрагментарно. Теория «лестницы существ» в карамзинском варианте распалась, поскольку исключено было рассмотрение развития всевозможных видов органической и неорганической природы, предшествовавших появлению человека. Вся теологическая часть оказалась тоже изъятой, так как мистицизм чужд Карамзину на всех этапах его сознательного творческого развития.

Таким образом, человек, рассматриваемый на всех уровнях — онтологическом, физическом, духовном, даже отчасти социальном, явился чуть ли не единственной фигурой «лестницы существ» в интерпретации Карамзина. Человек предстал изолированным не только от предшествующих, но и от последующих звеньев в цепи системы (у Бонне специальная глава посвящена «небесной иерархии», включавшей ангелов, архангелов и других небесных существ).

Изучение человека вне выстроенной Бонне строгой системы иерархии очищало концепцию личности от влияния механического детерминизма (к которому вело учение о преформации) и в конечном итоге разрушало метафизическую завершенность представлений о месте человека в мироздании.

Для Карамзина, как впоследствии и для Жуковского, человек — венец природы: «...наверху лестницы нашего шара поставлен человек, совершеннейшее дело в земном творении» (XIX, 165). Следуя далее за размышлениями Бонне, Карамзин подходил к одному из важнейших вопросов философии XVIII в., в равной мере привлекавшему внимание материалистов и идеалистов, в том числе Канта,

Мендельсона, Лафатера, Мальбранша и других, например, русских масонов. Этот вопрос касался соотношения материальной и духовной сфер природы человека и формулировался как проблема сосуществования и взаимовлияния души и тела.

Еще в 1787 г., в поисках ответа на не разрешимую для себя загадку, Карамзин обратился к цюрихскому пастору И. К. Лафатеру, разработавшему учение о физиогномике. «Каким образом душа наша соединена с телом, тогда как они из совершенно различных стихий? — спрашивал он. — Не служило ли связующим между ними звеном еще третье отдельное вещество, ни душа, ни тело, а совершенно особенная сущность? Или же душа и тело соединяются посредством постепенного перехода одного вещества в другое <...> Каким способом душа действует на тело, посредственно или непосредственно?»⁵

Масоны, в среде которых происходило развитие будущего писателя,⁶ давали двоякое толкование проблемы. Согласно одной точке зрения, человек состоит из двух субстанций, души и тела, причем душа является «самодействующей», т. е. не нуждается в теле и полностью освобождается от него в смерти.⁷ По другому мнению, существуют три субстанции — тело, душа и дух, при этом душа участвует в обеих других и соединяет их.⁸

По-видимому, обе эти точки зрения не удовлетворяли Карамзина, который предпочел обратиться за ответом к «южному магу», установившему соотношение между чертами лица и свойствами характера, души. Именно Лафатер, являясь другом Бонне, перевел на немецкий язык его «Палингенезию» в 1769 г. («Palingénésie philosophique, ou idées sur l'état passé et sur l'état futur des êtres vivants»). И в этом сочинении, как чуть позже в «Созерцании природы», Бонне стремился найти обоснование идеям Лейбница в изучении живой природы, опираясь на сенсуализм Локка. Придерживаясь идеи трехсубстанционального состава человека, он рассматривал душу как своего рода накопитель впечатлений, которые улавливаются органами чувств. Сама по себе, душа не может быть дееспособной. Только идеи, образуемые на основе чувственных впечатлений, делают существа способными выйти за пределы телесного мира и жить в духовной сфере.

---

⁵ Переписка Карамзина с Лафатером. 1786—1790 / Подгот. текста Ю. М. Лотмана // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 468. Ниже ссылки на издание даются в тексте.

⁶ Кочеткова Н. Д. Идеино-литературные позиции масонов 80—90-х годов XVIII в. и Н. М. Карамзин // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 176—196. (XVIII век. Сб. 6).

⁷ Вечерняя заря. 1782. Ч. 1. С. 169—184.

⁸ Там же. С. 278—283.

Карамзину, несомненно, была известна эта теория, о чем он прямо сообщил Лафатеру («Я прилежно читаю сочинения Боннета», — писал он 10 июня 1788 (475)). Но и она его не устраивала. «Хотя великий философ нашего времени открыл мне много новых взглядов, — признавался он, — я все-таки не вполне доволен всеми его гипотезами. *Les germes, emboitement des germes, les sièges de l'âme, la machine organique, les fibres sensibles*⁹ — все это очень философично, глубокомысленно, хорошо согласуемо и могло быть и на самом деле <...>, но чтоб было это так на самом деле — я этому не верю, пока верю, что мудрость Господня далеко превосходит всех наших философов и, следовательно, может найти другие, более удобные способы к созданию и сохранению своих творений, чем те, которые ей приписываются нашими Лейбницами и Боннетами» (475—476). Судя по всему, физиологическое обоснование теории происхождения идей не объясняло Карамзину сущности явления.

Вопрос о способе соединения души с телом вырастал для него в центральную проблему познания и самопознания. «Нужно знать себя и со стороны души, и со стороны тела, нужно вникнуть в различные отношения их между собою, чтобы осмелиться сказать: я себя знаю», — писал Карамзин 20 июня 1787 (468). Видя в Лафатере «знатока в науке о человеке», сформулировавшего мысль о неповторимости человеческой индивидуальности, он надеялся услышать от него исчерпывающее объяснение.

Однако Лафатер, отказавшись от какого бы то ни было доказательства, сделал в своем ответе акцент на особом предназначении человека: «*Я существую* — размышляю о своем бытии — и сравниваю его с другими видами бытия — и не знаю ни одного подобного человеческому, почему я называю его царственным, духовным, высоким, предназначенным на продолжение и совершенствование, — и радуюсь этому и больше не мудрствую» (письмо от 16 июня 1787 — 470). По сути цюрихский священник допускал самостоятельность души, ее независимость от опыта. Такой ответ, очевидно, разочаровал юного Карамзина, который в следующем письме отстаивал эмпирическую точку зрения: «Итак, теперь еще невозможно в точности понять связь души с телом, это грустное открытие для того, кто так желал себя познать <...> Я родился с жаждой знания; я вижу, и тотчас хочу знать, что произвело сотрясение в моих глазных нервах: из этого я заключаю, что знание для души моей необходимо, почти так же необходимо, как для тела пища, которой я искал с той минуты, как появился на свет. Как только пища моя

---

⁹ «Зародыши, вхождение зародышей, седалище души, органический механизм, чувствительные фибры» (фр.).

переварена, я ишу новой пищи; как только душа моя основательно узнает какой-нибудь предмет, то я ишу опять нового предмета для познания» (Письмо от 25 июня 1787 — 472—473).

Карамзин явно прибегал к выражениям Бонне, черпая аргументацию в его сенсуалистской теории.¹⁰ Проблема, решаемая Лафатером в онтологическом плане, имела для Карамзина и важный гносеологический аспект. Источником чистого эмпиризма мог быть и трактат И. Канта «Грезы духовидца» («Träume eines Geistersehers», 1766).¹¹ Но «метафизика» Канта всегда представлялась Карамзину слишком сложной, о чем сохранились его свидетельства.¹² Бонне же обладал даром художественной популяризации своего философского учения. Передавая мнение о нем Виланда, автор «Писем русского путешественника» безусловно выражал и собственную точку зрения: «Никто из Систематиков <...> не умеет так *обольщать* своих читателей, как Боннет; а особливо таких читателей, которые имеют живое воображение» (76).

Ясность и простота, художественная образность изложения сенсуалистской теории способствовали, по-видимому, «возвращению» Карамзина к Бонне в 1789 г., уже в качестве переводчика. Очень добросовестно излагая механизм формирования чувств и идей, он добивался терминологической точности. Многие вводимые им обозначения сопровождались оригинальным названием понятия в скобках: «представление» (perception), «ощущение» (sensation), «чувствование» (sentiment), «изменение» (modification), «настроение» (détermination), «естественное побуждение» (instinct), «склонность» (affection), «одинаковость» (identité) (XIX, 184, 188, 189, 194).

Позднее, в общении с Бонне, Карамзин заметит, что «трудно <...> выражать ясно на русском языке то, что на французском весьма понятно для всякого, кто хотя немного знает сей язык <...> Надобно будет составлять и выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем» (171).

---

¹⁰ Ср. в «Созерцании природы»: «Нервы, разным образом потрясаясь от предметов, сообщают свои потрясения мозгу; а по сим впечатлениям происходят в душе представления и ощущения» (XIX, 183).

¹¹ *Rothe H. N. M. Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Philologische Untersuchungen.* Berlin.; Zürich, 1968. S. 70.

¹² «В Письмах русского путешественника», описывая свою встречу со «славным», «глубокомысленным» и «все сокрушающим Кантом», он не без иронии заключил: «Кант говорит скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов не много. Все просто, кроме... его Метафизики» (21).

Но стремление к скрупулезной терминологической адекватности отнюдь не означало для Карамзина прямолинейного приятия материалистического объяснения процесса познания. Впоследствии он не раз будет обыгрывать физиологические принципы теории Бонне в ироническом контексте.¹³ Более привлекателен для него как агностика и сенсуалиста был другой аспект гносеологической теории Бонне — мысль о сложности и в определенной мере неподвластности научному познанию души человека, утверждение идеи индивидуального различия.

«Обойди все народы земные; рассмотри жителей одного государства, одной провинции, одного города, одного местечка — что я говорю! — Посмотри на членов одного семейства, и тебе покажется, что каждый человек составляет особый род», — писал Карамзин вслед за Бонне (XIX, 175—176). Размышляя о различиях в темпераменте, швейцарский натуралист заключал, что «разные люди не могут чувствовать точно одного при действии одних предметов» (XIX, 189). Вывод его был связан с провозглашением сознательной направленности поведения человека: «Познавай же свой темперамент! Если он порочен, можешь исправить его, однако ж не стараясь разрушить оного» (XIX, 190). Карамзину была близка эта активная просветительская позиция.¹⁴

В целом анализ восприятия Карамзиным «Созерцания природы» позволяет уточнить его собственный взгляд на человека, во многом «синтезирующий» концепцию просветительского антропологизма и идею неповторимости, самоценности внутреннего мира личности. Размышляя над философским соотношением свободы воли и необходимости, он отвергал механистический детерминизм, утверждая возможность нравственного совершенствования.

Жуковский обратился к Бонне по крайней мере на 18—20 лет позже Карамзина. И естественно, что каким бы ни было влияние Карамзина на чтение Жуковского, начинающий поэт-романтик в изучении Бонне проявил значительную самостоятельность, расставил нужные именно ему акценты.

В библиотеке Жуковского имеется полное собрание сочинений Бонне в 18 томах — собрание его естественнонаучных и философ-

---

¹³ Ср. эпизод из «Писем русского путешественника»: «„Вы ищите за милую того, что у вас под носом“, — сказал ему Шафнер с сердцем; но душа Магистрова была в сию минуту так полна, что ничто извне не могло войти в нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естли не мимо ушей его, то по крайней мере сквозь их, то есть (сообразно с Боннетовой гипотезою о происхождении идей) не тронув в его мозгу никакой новой или девственной фибры (fibre vierge), № (50).»

¹⁴ *Канунова Ф. З.* Из истории русской повести: (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967. С. 11—14.

ских трудов.¹⁵ Наиболее внимательно прочитан поэтом VII том, содержащий «Созерцание природы». Судя по почерку, первый раз он прочитал эту книгу очень молодым, до начала своей переписки с А. И. Тургеневым, которому он систематически и очень подробно сообщал о прочитанном. Если это так, то Жуковскому было тогда столько же лет, сколько Карамзину, когда тот писал письмо Лафатеру.

Теория органического единства природы, в котором человек занимает свое особое место, была внутренне близка концепции «универсальной закономерности» Гердера в его популярном труде «Идеи к истории человечества».¹⁶ Будучи страстным поклонником эмпирического знания Локка и опираясь на собственный опыт естествоиспытателя, обогативший науку массой новых фактов, Бонне стремилась осмыслить связь между растительным и животным миром. Женевский гражданин, почитатель Лейбница и Руссо, он восторженно поклонялся природе, глубоко изучал ее явления. Это было чрезвычайно важно для того времени, «когда впервые загоралась заря естественно-исторического мышления».¹⁷ Нет ничего удивительного в том, что Карамзин назвал «Созерцание природы» «магазином любопытнейших знаний для человека» («Письма русского путешественника», 168). Вместе с тем труд швейцарского философа наносил удар по рационализму, заявляя о сложности человека.

По всей видимости, Жуковского привлекали в Бонне оба качества его знаменитого сочинения: превосходное знание природы, поэтизация ее конкретно-чувственных явлений, с одной стороны, и сенсуализм Бонне, глубоко уверовавшего в гносеологическую силу чувств человека и попытавшегося объяснить их, — с другой.

«Созерцание природы» прочитано Жуковским с тщательным вниманием. Пометы, отчеркивания и подчас обширные маргиналии Жуковского могут быть сгруппированы по двум основным рубрикам.

Первая, большая часть многочисленных помет — подчеркивания отдельных слов и перевод их на полях. Они касаются преимущественно названий, относящихся к миру растений, живой и неживой природы. Большая часть таких помет носит главным образом познавательный характер.

---

¹⁵ Collection complète des oeuvres de Ch. Bonnet. Neuchatel, 1779—1783 Т. 1—18. Ниже ссылки на VII том даются в тексте с указанием страниц.

¹⁶ Реморова Н. Б. В. А. Жуковский — читатель и переводчик Гердера // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1979. С. 149—300.

¹⁷ Друкевич В. В. От Гераклита до Дарвина. М., 1960. С. 65—70.

Много помет такого рода во второй части труда — «Об относительном совершенстве земных существ». Жуковский подчеркивает длинный ряд слов-терминов и на полях дает их перевод. Так, рядом со словом «des agarics» на полях он пишет чернилами «губки» (86), напротив «capsules» — «коробочки» (88), «pistils» — «пестики» (95), «la moule» — «ракушка» (66). Всего таких слов-терминов более пятидесяти.

Как видим, будущий поэт-романтик с жадностью изучает природу, стремится осмыслить место каждого, даже самого ее примитивного явления в системе мира.

Уже Карамзин, беседуя с Бонне, говорил, что ему придется при переводе «Созерцания природы» «составлять или выдумывать новые слова», потому что «еще весьма не многие философические и физические книги переведены на русский» (171). Жуковский на полях книги иногда предлагал такие слова, иногда их объяснял. О его внимательном чтении говорят и тщательно исправленные опечатки (20, 164, 175, 189, 288). Многие пометы сделаны чернилами. Причем очень часто видны следы двойного написания: сначала карандашом, затем (поверх) — чернилами. Это — свидетельство не только внимательного чтения, но какой-то повышенной заинтересованности Жуковского, которая может быть объяснена по-разному. Подыскивание русских слов, специальных терминов было связано, возможно, с его намерением сделать в будущем перевод всего произведения. Однако более вероятным представляется другое объяснение. В познавательных целях Жуковский обращается к Бонне не однажды. По мере идейно-творческого самоопределения поэта у него возрастала потребность в конкретных знаниях о природе и ее многочисленных проявлениях, а «Созерцание природы» могло явиться одним из источников такого познания.

Следует отметить, что горячая заинтересованность Жуковского в эмпирическом знании природы проявилась очень рано и в самом процессе его художественного творчества. Так, задумав около 1803 г. поэму «Весна»,¹⁸ он внимательно читает Томсона, Клейста и других «певцов природы». В библиотеке поэта сохранились сочинения Клейста с обильными пометами молодого Жуковского,¹⁹ особенно на стихотворении «Der Frühling». Создается впечатление, что оно читалось как учебник ботаники или зоологии. Жуковский подчеркнул и перевел на полях слова, характеризующие растительный

---

¹⁸ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Пг., 1916. Вып. 2. С. 498.

¹⁹ Des Herrn E. Ch. von Kleist sämtliche Werke. Berlin, 1782, Th. 1—2.

и животный мир в период пробуждения природы. В этих маргиналиях узнаваем не только почерк, но и характер чтения «Созерцания природы». Очень возможно, что это сочинение явилось одним из натуралистических источников поэмы «Весна».

Вторая группа маргиналий, отчеркиваний и подчеркиваний Жуковского носит уже не только познавательный, но и принципиальный мировоззренческий характер. При этом следует сказать, что наибольшее количество таких помет сделано в тех главах, которые были переведены в свое время Карамзиным. Речь идет о первой части («О Боге и вселенной вообще»), где ставятся общие вопросы происхождения мира, и о пятой части книги («О различных соотношениях земных существ»), где в качестве главного выделяется вопрос о сущности человека.

Жуковского, по-видимому, так же как и Карамзина, привлекает сенсуализм Бонне, утверждение им чувственной основы человеческого сознания и познания. В пятой части он подчеркивает и отмечает особым знаком главу «Соединение душ с телами организованными». Здесь он отмечает главное гносеологическое положение Бонне: «Нервы, разным образом потрясаясь от предметов, сообщают свои потрясения мозгу, а по сим впечатлениям происходят в душе представления и ощущения» (216; XIX, 183)²⁰. Отчеркивает Жуковский и следующую за этой мысль: «Оне <представления и ощущения. — Ф. К., О. К.> имеют одинакое происхождение, а различаются только степенью потрясения. Лучи, выходящие из предмета, трогают мою оптическую нерву. Я получаю представление, которое уведомляет меня о присутствии предмета. Они потрясают весьма сильно сию нерву, у меня делается ощущение, которое я изъясняю словом *боль* или *неудовольствие*». (216; XIX, 184). Тут же Жуковский подчеркивает конкретизацию этого положения: «Разность чувств, через которые душа получает впечатления от предметов, производит в ее представлениях и ощущениях подобную разность». Жуковского привлекает, по всей видимости, попытка Бонне подкрепить сенсуализм Локка глубокими физиологическими наблюдениями. «Чувствования, причиняемые потрясением нерв зрения, совершенно отличаются от тех, которые производит потрясение нерв слуха. Чувствование осязания не имеет никакого сходства с чувствованием вкуса. Оне суть разные изменения души, которые соответствуют разным свойствам предметов» (217; XIX, 184).

---

²⁰ Цитаты приводятся по карамзинскому переводу. В скобках указывается страница оригинала, часть и страница «Детского чтения» (соответственно римскими и арабскими цифрами)

О горячей заинтересованности Жуковского в проблеме происхождения чувств свидетельствуют его многочисленные маргиналии на «Трактате об ощущениях» Э. Б. Кондильяка.²¹

В качестве одного из важнейших естественных побуждений души человека Бонне называл нравственное чувство. Жуковский подчеркивает эту мысль двумя чертами и ставит два восклицательных знака. Эта активная и явно положительная реакция полностью проясняется при анализе его развернутых маргиналий к первой части «Созерцания природы».

Не менее важной была для Жуковского и мысль о неповторимой индивидуальности человеческой личности. Сравнивая сознание человека с зеркалом, в котором «вкратце изображаются разные части вселенной», Бонне говорит о поразительной несхожести этих зеркал: «Какая соразмерность между зеркалом крота и зеркалом Ньютона или Лейбница? Какие образа являются в мозгу у Гомера, Виргилия или Мильтона!» (229; XIX, 197—198). Жуковский выделяет это положение, подчеркивая его различные вариации у Бонне еще несколько раз.

Начало первой части «О Боге и вселенной вообще» Жуковский снабжает подробными маргиналиями, имеющими, как нам представляется, принципиальное значение для понимания его концепции личности и шире — природы его просветительства. Относясь с сочувствием и интересом к гносеологической теории Бонне, дававшей многое для материалистического понимания личности, Жуковский вместе с тем в решении ряда общих философских проблем горячо разделял идеализм швейцарского философа.

Вслед за Бонне Жуковский во взглядах на происхождение мира и человека остается идеалистом. На полях книги он не полемизирует с автором, как это часто бывает в его чтении, а, скорее всего, отстаивает, уточняет его идеи собственными соображениями. Нужно полагать, что Жуковский чутко уловил полемичность Бонне (в решении основных философских вопросов) по отношению к таким материалистам XVIII в., как Гольбах и Гельвеций, полностью детерминировавшим личность материальными условиями, бытия и склонным отрицать свободу воли, инициативу действия отдельного индивида. В главе «Первая причина» Бонне даже стилистически подчеркивает эту полемичность, несогласие с невидимым оппонентом.

«Почитать вселенную вечною, — утверждает философ, — есть то же, что полагать бесконечным порядок существ конечных. Прибегать к вечному движению есть то же, что полагать вечное действие» (2; XVIII, 4—5).

---

²¹ Канунова Ф. З. «Трактат об ощущениях» Э. Б. Кондильяка в восприятии Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1979. Ч. 1. С. 346—399.

Жуковский, идя от Бонне, еще более заостряет полемичность тона. Многие его замечания представляют собою как бы прямые контраргументы по отношению, например, к Гольбаху. Чтобы убедиться в этом, сравним некоторые программные мысли Гольбаха в его «Системе природы» с маргиналиями Жуковского:

Гольбах

Природа — это колоссальное соединение всего существующего, представляющего нам повсюду лишь материю и движение.

Но спросят у нас, откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать.²²

Жуковский

Если бы природа была произведена материей и движением, тогда бы она беспрестанно изменялась, но она всегда одинакова, беспрестанное последствие одних и тех же явлений <...> Вечность, или безначальность природы не понятна.²³

Не принимая тезиса Гольбаха о движении как форме существования материи, Жуковский возражает против понимания движения как механистического перемещения. «Как скорость последствие, то есть уже перемена или переход из одного состояния в другое, следовательно, прекращение одного и начало другого». То есть Жуковский движение понимает как качественное изменение. Определенная диалектичность мышления чрезвычайно важна для открывателя психологического метода в русской литературе.

Пolemика Жуковского с материалистами XVIII века усиливается, как только речь заходит о человеке, которого Гольбах и Гельветций объявили частью природы, полностью подчиненной ее законам.

Бонне как бы возражает Гельветцию, который в своем программном труде «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» рассматривал сознание как свойство материи, возникшее на определенном этапе ее развития. «Утверждать, что разум произведен материей и движением, есть то же, что почитать Оптику Ньютонову сочинением слепорожденного человека», — размышлял Бонне (3; XVIII, 5). Жуковский в унисон ему записывает на полях: «Как мог простой механизм произвести что-нибудь умное, мыслящее?... Человек есть сотворение. Он умеет ум, следовательно, тво-

---

²² Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. М., 1940. С. 171.

²³ Полностью тексты маргиналий Жуковского см.: Канунова Ф. З. О философских взглядах Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. С. 339—342.

рец его должен быть существо верховно премудрое, ибо оно не только произвело ум человеческий, но само по себе непостижимо, недостижимо для ума сего.»

Как показывает чтение «Лицея» Лагарпа (раздела о философии XVIII в.),²⁴ Жуковский весьма положительно воспринял резкую критику Гельвеция за его абсолютизацию детерминизма.

Слова автора «Лицея» о том, что свобода выбора существует и что «она состоит в возможности действовать согласно моему суждению», Жуковский подчеркивает двойной чертой. Далее он помечает конкретизацию этого положения: «Никаких сомнений не вызывает то, что здесь моральное побуждение, моя воля является свободной во мне, как я сам, поскольку Она есть не что иное, как суждение, выбор мотивов, которым мне нравится следовать, и конечно же все это зависит от меня и от моего разума, выбрал ли я хорошо или плохо»(411).

Характерно в этом же плане и следующее за этим отчеркивание с тремя восклицательными знаками: «Вместе со свободой человека, подорванной софистами, упадет вся нравственность его поступков, добродетель будет лишена своей чести, порок поднят из своего позора, ничто в мире больше не будет заслуживать ни наказания, ни поощрения: все будет делом неизбежного и непостижимого сочетания, и все творение сократится до сборища автоматов» (415).

Полемика Жуковского с материалистами XVIII в. имела, как нам представляется, значительный нравственно-философский смысл. Созерцательный и во многом механистический материализм XVIII в. абсолютизировал детерминизм личности, метафизически трактовал проблему свободы воли и необходимости. «Метафизический материализм XVIII века не давал научной основы для решения вопроса об оценке человеческого поведения».²⁵ Нравственный фатализм противоречил требованиям прогрессивного развития истории. Уже Руссо пытался найти новое обоснование нравственной свободы человека, не связанной непосредственно с материальными условиями общества. Свобода «естественного» нравственного чувства — важнейший для Руссо стимул общественной деятельности человека. «Общественный договор» формулирует в основе «гражданской свободы неистребимую в человеке естественную свободу». Это нравственно-этический аспект руссоизма, который был в значительной мере близок и Карамзину, и Жуковскому.

Первооткрыватель романтизма в русской литературе (как показывают его письма, дневники, художественное творчество) считал, вслед за Руссо, первоочередной обязанностью любого человека со-

---

²⁴ *Licée, ou cours de littérature ancienne et moderne.* Par J. F. Laharpe. T. 15. Paris, 1798. Далее страницы указываются в тексте.

²⁵ *Шишкин А. Ф.* Из истории этических учений. М., 1954. С. 154.

знательную и активную направленность в его жизнедеятельности. В этом Жуковский был близок Карамзину, его активной просветительской позиции. Еще в письме к Лафатеру в 1787 г., стремясь разгадать загадку человека, его деятельности, Карамзин ставит вопрос о свободе воли и необходимости: «Я захочу — и воля моя исполняется» (471). Пройдет некоторое время, и Карамзин по-своему придет к Руссо, во многом определившему характер его просветительства.

Еще в большей мере это свойственно Жуковскому. Не случайно мысль Бонне о том, что важнейшим естественным побуждением души человека является нравственное чувство, он подчеркивает двумя чертами и ставит два восклицательных знака. Эта, как уже говорилось выше, его положительная реакция отражает его полемическое отношение к нравственному фатализму и во многом определяет собою нравственно-философскую основу его просветительства.²⁶ Критикуя механистическое понимание личности, данное французскими материалистами, с идеалистических позиций, Жуковский в ряде вопросов приближался к диалектическому пониманию человека как существа не только материального, но и духовного; не только детерминированного, но и активного, обладающего свободой нравственного выбора, а тем самым и способного к нравственной саморегуляции и усовершенствованию и, следовательно, нравственно ответственного перед собою и другими людьми, но в то же время и внутренне противоречивого.

Говоря о близости философских взглядов Карамзина и Жуковского, целесообразно отметить, как нам кажется, и определенное отличие. Если Карамзин, как он сам признавался, не мог променять «ясного Локка и Кондильяка» на «тонкоумного Канта», то Жуковский испытал на себе значительное влияние немецкой идеалистической философии. Так, уже в письме от 8 января 1806 г. он просит А. И. Тургенева: «Ради бога, пришли мне что-нибудь хорошее в немецкой философии. Она возвышает душу, делая ее деятельнее, она больше возбуждает энтузиазм». И далее следует интересное сравнение немецкой и французской философии с явным предпочтением первой. При этом единственным из французов, для кого Жуковский делал исключение, был Жан Жак Руссо.²⁷

Показательно, что, характеризуя немецкую идеалистическую философию в цитированном выше письме, Жуковский отмечает в ней деятельное начало. Он настойчиво просит Тургенева, снабжавшего его философской и исторической литературой, рекомендовать ему

²⁶ Канунова Ф. З. Творчество Ж.-Ж. Руссо в восприятии Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Ч. 2. С. 229—336.

²⁷ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 22.

немецкого философа. «Пришли мне какого-нибудь немца-энтузиаста. Мне теперь нужнее такой помощник, нужна философия, которая бы оживила, побудила мою душу».²⁸ Библиотека поэта сохранила следы этого увлечения.²⁹

Говоря о том, что немецкая философия «возбуждает» энтузиазм, Жуковский тем самым указал на важнейшую черту немецкой идеалистической философии. Утратив политическую остроту французского материализма XVIII века, она давала вместе с тем наиболее последовательное теоретическое обоснование проблемы личности и, что было особенно важным, ее деятельной активности и «практического разума». Эта активность усматривалась прежде всего в высшей духовной деятельности личности, что не только импонировало Жуковскому, но и во многом определяло пафос его просветительства.

Таким образом, проследивая отношение Каамзина и Жуковского к «Созерцанию природы» Ш. Бонне, можно увидеть общие черты в философских воззрениях обоих писателей и в то же время заметить определенное движение русской эстетической мысли от сентиментализма к романтизму.

---

²⁸ Там же.

²⁹ Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 2. С. 140—225.